

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

королева мистического романа

Читайте романы
ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного
Беги, ведьма!
Ведьмин круг
Не буди ведьму
Хозяйка колодца
Третий ключ
Дом у Чертова озера
Пепел феникса
Волчья кровь
Слеза ангела
Печать василиска
Проклятый дар
Музы дождливого парка
Самая темная ночь
Час перед рассветом
Ведьмин клад
Смертельное танго
Ты, я и Париж
Судьба № 5
Хрустальное сердце
Миллионер из подворотни
Мужчины не плачут
Паутина чужих желаний
Вранова погоня
Сердце ночи
Лабиринт Медузы
Темная вода
Снежить
Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

СЕРДЦЕ
НОЧИ

Москва
2022

Дышать было больно. Так больно, словно в легкие набилась стекловата. Маленькая Эльза однажды взяла в руки стекловату, и папе потом пришлось везти дочь в больницу, доставать сотни невидимых колючек. Вот и сейчас колючки — только не в ладонях, а в легких. И в сердце, кажется...¹

— Эльза, отпусти его! — Злой и немного испуганный голос пробивался к ней через эту колючую стекловату. Голос пробивался, а следом его хозяин. Держал за плечи крепко, сжимал до боли. Кажется, даже тряс. Зачем он ее трясет? Ей и без того больно. Так больно, что вот прямо сейчас горлом пойдет кровь... — Я тебя прошу, отпусти...

Голос стих, упал до шепота. Это лучше, не так больно. И кровавый туман перед глазами рассеивается, появляются люди. Но видит и держит Эльза только одного. Крепко-крепко держит за кадык и кадык его готова вырвать, стоит ему только дернуться, только слово сказать. Хоть одно-единственное слово...

...Он почти не изменился, только борода стала гуще, только серебра в ней прибавилось. А тогда, много лет назад, она была черная, с синевой. Тогда

¹ Начало истории читайте в романе Т. Корсаковой «Вранова погоня».

он казался совсем другим, не смотрел волком, улыбался Эльзе человеческой улыбкой, разве что самую малость настороженной. Эльзе улыбался, а на папу ее смотрел строго, даже с упреком.

— Зачем ты ее с собой, Петрович? Разве девчонке место в тайге?

Папа тогда, помнится, усмехнулся, Эльзу погладил по голове, сказал с гордостью:

— Это не какая-то там городская неженка, Архип. Эта дочка моя! А тайга? Что тайга? Мы корни свои знать должны. Вот ты знаешь?

— Корни? — Архип тоже усмехнулся кривова-той, недоброй какой-то ухмылкой. — Про корни мне не рассказывай, Петрович.

А и то верно! Что ему, косматому и бородатому, рассказывать про корни, когда эти корни вон прямо на его ручище вытатуированы! И татуировка такая искусная, что не верится, что это всего лишь картинка. Так и кажется, что рука этими самыми кореньями оплетена от плеча до широкой кисти. Кореньями и шипами. А между ними — ключ. Красивый такой, с завитушками. Ключ сразу не разглядеть, только если с определенного ракурса. Эльза разглядела и залюбовалась. Наверное, поэтому не сразу поняла, что к ней обращаются.

— Что ты видишь? — Архип смотрел на нее строго, с внимательным прищуром. Как на допросе.

— Татуировку. — Врать она не могла, но и про ключ рассказывать не хотелось.

— И что за татуировка? — Другой бы отстал, а этот не отходил, всматривался требовательно в Эльзино лицо. — Что тут? — И руку протянул так, что ключ теперь стал не просто виден, а очевиден.

— Да что ты пристал к девочке, Архип? — Папа похлопал его по плечу. — А то сам не знаешь, что у тебя там намалевано?! Корни, крючки, завитушки на манер кельтских узоров.

— Так? — спросил Архип, не своя с Эльзы тяжелого взгляда.

— Корни, крючки, завитушки, — повторила она и покивала для пущей убедительности.

— И все?

— И все.

Он вдохнул и с шумом выдохнул, словно с облегчением. Или Эльзе просто показалось? Здесь, на самой границе тайги, в крошечном охотничьем домике, ей все виделось странным и необычным. Может, потому что это была ее первая охота? И самой себе Эльза казалась этакой бесстрашной амазонкой. Что ей какой-то неотесанный егерь с его татуировками, когда впереди столько приключений?!

Знать бы тогда, как все обернется...

Вот только Эльза не знала. Тогда не знала, а потом забыла. И вот сейчас вспомнила. Только не все, а самое страшное, самое мучительное...

Тогда тоже было мучительно. Все тело зудело от комариных укусов. Эльза чесалась, срывала ногтями подсохшие корки, и по грязной коже текла алая кровь. А еще хотелось пить. Жажда была почти такой же невыносимой, как зуд. Нет, все же чуть более невыносимой. Вода закончилась давным-давно, кажется, еще день назад. Вода закончилась, а комары и жара все не кончались. Вот такая получилась охота. Не они охотились, а на них. Наверное. Воспоминания прятались за зыбким маревом, за черной, мерзко гудящей комариной тучей.

Архип выступил из этой тучи в тот самый момент, когда Эльза решила, что больше не выдержит, что умрет вот прямо сейчас, потому что нет у нее больше сил, никакая она не амазонка, а самая обыкновенная городская неженка. Она и так слишком долго держалась. Ради папы, чтобы его не расстраивать. Но все... закончились силы...

Он стоял большой и лохматый, как медведь. Упирался пятками в усыпанную иглицей землю, придерживал на плече охотничье ружье, всматривался, разглядывал...

— Нашлась? — спросил сиплым голосом и сделал шаг им навстречу.

— Нашлась. — Папа положил ладонь Эльзе на плечо. Слишком горячую, слишком тяжелую, но Эльза держалась. Она нашлась. Архип нашелся. Архип многое умеет и многое знает. И в запасе у него наверняка есть вода. Вот в той обтянутой кожей фляге, что болтается на поясном ремне. Только бы вода, а не водка...

— Где?

— Там.

Они говорили о чем-то своем, только им двоим понятном, а Эльза злилась. Почти теряла сознание от жажды и бессилия, но все равно злилась. Потому что вот она сейчас упадет. А может быть, и вовсе умрет. Это будет совсем уж обидно — умереть на самой границе тайги, когда до спасения рукой подать. Вот этой, расписанной диковинными узорами рукой. Корни темно-синие, почти черные, словно высушенные, и шипы черные, а ключ большой, рельефный, как настоящий. Будто бы Архипу вздумалось вшить его себе под кожу. Или вздумалось? Что она вообще о нем знает? Что понимает?

Это раньше мир казался понятным и ярким, а теперь все изменилось, подернулось туманом и патиной. Как будто это и не мир вовсе, а старая-старая картина. Ожившая, но все равно мертвая, холодная...

— Отойди, девочка... — Эльза и не заметила, как черное дуло охотничьего ружья уставилось ей в живот. — Сделай шаг в сторону.

Архип с отвращением смотрел на нее сверху вниз. Эльза его понимала. Понимала и почти не боялась. Теперь, когда она много про себя узнала, не нужно удивляться таким вот вещам. Он охотник. Пограничник, как назвала его та смешная бабушка, чей домик стоял на опушке леса. Он пограничник, и он в своем праве. Потому что Эльза пересекла границу. Сначала пересекла, а потом еще и посмела вернуться с той стороны. И не важно, что память ее теперь как ветхая дерюга. Иногда достаточно просто чувств. А Эльзины чувства криком кричат, что она заслужила. И боль эту, и жажду, и свинец в живот...

Папу жалко. Папа тоже все понимает, сжимает Эльзино плечо стальной хваткой, крепко, до боли, до хруста в костях.

— Не смей! — в голосе его ярость пополам с отчаянием. — Ты не сможешь!

Папа всегда ее защищал, потому что она была его маленькой девочкой, любимой доченькой. Вот и сейчас он шагнул вперед, отталкивая Эльзу, почти отшвыривая ее от себя. Ей тогда так показалось, словно горячая волна ударила в грудь, припечатала к земле в тот самый момент, когда прогремел выстрел.

От боли и от осознания того, что случилось непоправимое, Эльза сложилась пополам, завывала почти по-волчьи, жалобно и протяжно. И тайга тоже за-

выла, отозвалась тысячей птичьих голосов, загудела, завибрировала.

А папа умирал... Он все еще стоял на ногах, прижимал к животу окровавленные ладони, с изумлением наблюдал, как на ковер из прелой прошлогодней иглицы падают черные капли. Папа смотрел на капли и не смотрел на Эльзу. Даже головы не поднял...

Превозмогая боль, она встала на четвереньки и так, на четвереньках, поползла к умирающему отцу, обхватила руками за подгибающиеся уже колени. Но даже такой милости ее лишили: грубо и зло дернули за шиворот, поволокли прочь. Она извивалась и лягалась. Она даже пыталась укусить эту разрисованную руку, с мясом выгрызть полыхающий серебром ключ. Но не получалось. Ничегошеньки у нее не получалось! И силы закончились предательски быстро, почти так же быстро, как и воздух в легких. Наверное, он ее ударил, легонечко ткнул кулаком в солнечное сплетение, потому что почти сразу же наступила спасительная тьма, наполненная лишь птичьим клекотом и громким, нечеловеческим каким-то криком. Лучше бы она умерла...

— ...Вставай! — кто-то тронул Эльзу за плечо. Не ласково и не грубо, как палкой потыкал. — Вставай, нам нужно уходить.

Сил и ненависти хватило лишь на то, чтобы дернуть плечом. Глаза не открывались, словно запеклись кровавой коркой.

— Папа... — Голос трескался и крошился, пока не закончился вместе с силами.

— Я предупреждал. — Ее дернули вверх. На сей раз не за шкурки, а за подмышки. Дернули, перехватили поудобнее. — Вам не нужно было туда ходить. Ни тебе, ни ему.

Не нужно было. Эльза теперь это и сама понимала, вот только поделаться ничем не могла. Ни с прошлым, ни с этим страшным человеком. Пограничником...

— Прости. — В его голосе не было раскаяния — одна лишь усталость, почти такая же безмерная, как и ее собственная. — Я бы хотел поступить иначе.

— Ты его убил! — Голос вернулся вместе с новой волной ярости. — Ты убил моего папу!

И сил хватило, чтобы извернуться, вырваться из его хватки. Наверное, он не ожидал, что Эльза на такое способна, потому и отпустил. А она не поползла, она побежала, не разбирая дороги, к тому самому месту, где впервые посмотрела в черный зрачок охотничьего ружья...

...Огромный костер догорал, лишь кое-где из его дымных недр вырывались алые языки огня, чтобы еще разок жадно лизнуть что-то черное, бесформенное, скрюченное...

Зря она думала, что не осталось ни сил, ни голоса. Остались! Она рвалась к этому погребальному костру, не обращая внимания ни на горячие облака пепла и дыма, ни на обжигающее прикосновение искр, ни на человека, который оставил ее сиротой. А он догнал и поймал, выдернул из костра, голыми руками погасил занявшуюся одежду, заглянул в глаза. В его собственных глазах не было ничего, кроме отсветов догорающего огня, а коренья на его правой руке, словно живые, оплетали, прятали от мира и Эльзы потайной ключ.

— Я понимаю, — сказал и подхватил Эльзу на руки. — Я прекрасно понимаю, как сильно ты меня ненавидишь...

Она ненавидела. Вот только все силы, те крупички, что еще оставались, сгорели в костре вместе с ее папой. И небо кружилось-кружилось вместе с парящими в нем черными птицами, пока не превратилось в бездонный водоворот, пока не всосало в себя теряющую рассудок Эльзу...

...А теперь силы вернулись! И силы, и ненависть!

Их хватит на многое, нужно только сжать покрепче, а потом дернуть...

— ...Только если ты, милая, его сейчас убьешь, то правды тебе никогда не узнать...

Смешная старушка. Та самая, что из домика на опушке. Говорит тихо, ласково и голосом своим вкрадчивым словно разжимает невидимый сжатый кулак, палец за пальцем.

— Отпусти его, девочка. Понимаю, что тяжело, но отпусти.

Отпустила. Пальцы разжала все разом, и убийца ее отца с тихим рыком рухнул на землю. Она бы тоже рухнула, если бы не Никита. Подхватил, удержал на ногах. Или он не потому ее держит, чтобы не упала, а боится за этого... за убийцу.

Боится. Он же врач, ему людей нужно спасать. А тут почти убийство. Интересно, убить убийцу — это грех? Проверить бы, да вот только нет сил. И колечко ледяное, словно осколок льда, не греет, а выстуживает.

— Элли, что ты творишь?.. — Никита держал крепко, одной рукой за плечи, второй за талию, прижимал к себе, горячо дышал в затылок.

— Я? — Она повела плечом. Хотелось, чтобы как в сказке, чтобы спали оковы. Да вот не спали, Никита в сказки не верил. Он верил в чудеса медицины и в длинные диагнозы. У нее диагноз какой-то

мудреный и сложный, но зато все-все объясняющий. Даже вот это... — Я ничего. — Дыхание почти выровнялось, и стекловата из легких исчезла. — Давай мы у него спросим. — Смотреть на убийцу было мерзко, но Эльза себя заставила. Она даже заставила себя сделать шаг в его сторону.

Почему-то казалось, что решишь она на убийство, Архип защищаться не станет, умрет без лишних слов и без сожаления. Точно так же, как без сожаления убил, а потом сжег ее папу... Вдруг сделалось мутроно и так тошно, что хоть вой.

— Ты вспомнила. — Архип не спрашивал, он утверждал.

— Ненавижу... — Ненависти хватило, чтобы сделать еще один шаг. Она сделала, и Марфа тоже, оторвалась от Архипа, встала между ним и Эльзой, заслоняя. Вид у нее был несчастный и решительный одновременно.

— Не надо, — сказала шепотом. — Я прошу тебя, не надо.

Она понимала. Эта простоватая, смешная и пугливая женщина лучше других понимала, на что способна Эльза. Они ведь стояли плечом к плечу перед порождением тьмы, которое бесновалось, пытаясь прорваться с той стороны. Они чувствовали силу друг друга. Не такую силу, как у Никиты или у Лешего, не грубую мужскую, а тонкую, но куда более мощную, прицельную. У Марфы силы было меньше, чем у остальных. Можно сказать, почти и не было вовсе, но тогда именно эта капля, эта заимствованная крупница и помогла им выстоять, дожидаться помощи.

И Марфа, бедная, наивная Марфа, сейчас была готова на все. Умереть была готова, только бы защитить того, кто защиты ее недостоин.

— Он недостойн... — Эльза так и сказала. Тихо- тихо сказала, чтобы только Марфа услышала.

— Он не такой... Ты не понимаешь... Не надо...

— Я такой.

Пока они стояли вот так, друг напротив друга, пока мерились силами, которые нельзя измерить, Архип поднялся на ноги. Марфу он аккуратно взял за плечи, отодвинул в сторону. Она сопротивлялась, упиралась пятками, цеплялась пальцами за его жилистые, татуированные руки, но все равно сдалась, лишь глянула на Эльзу с мольбой.

— Я такой. — Он уставился Эльзе в глаза точно таким же взглядом, как много лет назад. — Слышите все? — Обернулся, посмотрел на остальных. — Я, Архип Белобородов, убил ее отца. Убил, отсидел, вышел. Слыхали?!

— Зачем?.. — Дышать снова стало тяжело, захотелось дозы. Так давно не хотелось, а теперь вот... — Он был хорошим человеком, а ты его убил!

От ее крика всполошилась, заметалась под ногами кошка, а Никита вышел наконец из стопора. Теперь он приближался решительным шагом и в своей попытке защитить Эльзу чем-то напоминал Марфу. Вот только Эльзе не нужна защита. Ей нужна правда!

— Да, он был хорошим человеком. — Архип кивнул. — И да, я его убил. Прости.

Он и тогда просил ее прощения. Прямо на догорающем пепелище просил. Безумец! Ему место не в тюрьме, а в сумасшедшем доме.

— Зачем? — Пальцы сжались в кулак и разжались. На плечи успокаивающе легли ладони Никиты. Эльза повела плечом.

— Мы узнаем. — Архип держал Марфу за руку. Крепко-крепко держал, словно боялся потерять. Вот

только Эльза знала: Марфа никуда не денется, она видела незримые цепи, что сковали этих двоих: беспощадного убийцу и безобидную повариху... — Я думаю, нас затем здесь и собрали, чтобы мы узнали наконец правду...

Чтобы они узнали правду...

Забинтованной рукой Анжелика оттолкнула Лешего, а потом сама оттолкнулась от бревенчатой избы, поковыляла к эпицентру событий. Так уж вышло, что эпицентром оказалась Эльза. Так уж вышло, что Эльза не просто девица с придурью, а девица с очень большой придурью. Да еще и со сверхспособностями. Вон как она припечала этого бородатого! Едва на куски не порвала. Анжелика шкурой чувствовала — не вмешайся бабулечка, не удержал бы Эльзу от смертоубийства никто, даже добрый доктор Никита. Марфа бы попыталась. У нее на лице все чувства написаны. Тут и психологом быть не нужно, чтобы понять, что ее с бородатым что-то связывает. Или связывало. С этим еще предстоит разобраться.

Так. Стоп! А кто сказал, что она, Анжелика, должна разбираться? Кто она тут? Какое вообще отношение имеет к происходящему? А никакого не имеет! Не имеет, и участвовать в этой вакханалии не намерена! Очевидно ведь, что дело далеко зашло, что никакая это не прогулка по тайге, а что-то куда более серьезное. Нет, она не подписывалась на то, чтобы шастать по лесу с сумасшедшей и убийцей! Пусть уж как-нибудь без нее узнают правду.